

О. М. Рензин

РЕГИОНАЛЬНАЯ ИНТЕГРАЦИЯ РОССИИ В АТР И ФОРУМ АТЭС

Готовящийся к проведению форум АТЭС во Владивостоке многими политиками и экономистами представляется как долгожданный прорыв России в АТР. В его подготовку, проведение и реализацию сопутствующих проектов были вложены колоссальные средства (более 20 млрд долл.), с ним связывают самые оптимистические ожидания в организации эффективного российского сотрудничества с государствами региона в «постсаммитный» период.

Однако по «гамбургскому счету» успехи в формальных аспектах организации интеграционного мероприятия не совпадают с содержательной его стороной. Увлеченность хозяйственной программой проведения форума во Владивостоке резко контрастирует с его идеологической подготовленностью. Сейчас, как никогда ранее, важно понимание того, что ритуальная часть интеграции (форумы, заседания и пр.) и собственно процесс наднациональной консолидации экономик находятся во взаимосвязи, но не идентичны. Организационные мероприятия — это лишь фон для разработки вариантов институциональных согласований, для стимулирования реальных процессов взаимодействия, для обеспечения эффективного участия России в региональном разделении труда в АТР.

Один из главных вопросов, возникающих в преддверии исторической встречи лидеров АТЭС во Владивостоке: насколько стороны готовы к реальному устойчивому и взаимовыгодному взаимодействию? Ответ на него далеко не очевиден.

Россия в последние годы активно демонстрирует, что Азиатско-Тихоокеанский регион находится в центре ее интересов. Об этом регулярно заявляет политическое руководство страны, это декларируется в большинстве перспективных проектов макроэкономического развития РФ, это отчетливо видно по географической направленности в деятельности крупных отечественных корпораций (прежде всего, в секторе нефтегазового бизнеса). Более того, некоторые специалисты уверяют, что этот процесс принял необратимый характер: «Международные связи регионов России со странами Восточной Азии, прежде всего, с Китаем, уже создали реальную платформу для вхождения России в СВА, превращения ее в подлинно восточноазиатское государство» [3, с. 42] (курсив мой. — О. Р.).

Излишний оптимизм в этом отношении опасен. Интеграционный путь

России в АТР находится на начальной стадии, и будет он весьма не прост. Во всяком случае, очевидно, что налаживание эффективных отношений с Россией не является для стран сообщества первостепенной задачей.

Во-первых, экономическая роль России в регионе пока слишком незначительна: в товарообороте она занимает не более 1%. При этом даже на сырьевых рынках, на которых Россия чувствует себя уверенно, в перспективе нет гарантированного сохранения позиций, поскольку существуют альтернативные варианты развития событий и появления на них игроков с сильными конкурентными преимуществами.

Во-вторых, международное партнерство с Россией объективно сопряжено с серьезными макроэкономическими рисками. Это продемонстрировали не только дефолтные события 1998 г. Показательной иллюстрацией институционального несовершенства стала острая реакция экономики РФ на кризис 2007–2009 гг. По авторитетной оценке, «из 20 ведущих стран мира в России кризис был самым глубоким: ни у кого из «двадцатки» так сильно не упал ВВП, не сократился фондовый рынок, не уменьшилась внешняя торговля, не обвалились инвестиции» [1, с. 7]. Несомненно, что это может быть существенным ограничителем в углублении интеграционных связей. Особенно если учитывать, что АТР в последние десятилетия рассматривается как территория устойчивых позитивных макроэкономических процессов.

В-третьих, очевидно, что в АТР идет отработка новой модели интеграции, которая не повторяет традиционные методы и технологии, использованные ранее в Европейском союзе и Северной Америке, и которая Россией применяется в рамках СНГ. В АТР в значительно меньшей степени используются формализованные институты, интеграционные результаты достигаются другими, специфическими путями согласования интересов. Можно это объяснять различными причинами, однако очевидно, что интеграционные усилия России должны в полной мере учитывать характер формирования экономических взаимосвязей и необходимость использования для этого неканонического инструментария.

И первое, и второе, и третье (впрочем, этот список можно продолжить) определяет необходимость тонкого согласования национальных интересов России и интегральных интересов того сообщества, в которое она стремится инкорпорироваться. Необходима постоянная и очень строгая оценка совместимости экономик, рисков и противоречий, возникающих в интеграционном процессе. Отсутствие корректных оценок уровней взаимной толерантности означает, что не существует и реалистического представления о собственном интеграционном потенциале.

Именно с этой неопределенностью связано, на взгляд автора, формирование размытой позиции России по отношению к определению своего места

в современном Азиатско-Тихоокеанском регионе, а также в перспективных сценариях его развития.

Очевидно, что необходимо максимально точно оценить потенциальные возможности и имеющиеся риски страны при продвижении в АТР. В кругу рассматриваемых и прорабатываемых проектов могут остаться только те, которые по имеющимся ресурсам, масштабам, срокам реализации вызовут отклик у основных региональных игроков, станут интересными для участия в них сообщества экономик АТР.

Это, безусловно, ключевые вопросы при организации развития восточных районов России в контексте сотрудничества со странами АТР. Пока рассмотрению подлежат преимущественно общеконцептуальные идеи, причем идеи абсолютно бесспорные.

Но каковы сценарии реализации этих благих пожеланий, каково, исходя из этих сценариев, желательное долгосрочное позиционирование российского Дальнего Востока в АТР, пока отчетливо не сформулировано.

Пока еще очень сильна идеология самореализации международных проектов. К примеру, В. В. Путин в программной статье «Россия и меняющийся мир» писал о политике страны в АТР: «Мы принимаем саммит во Владивостоке, активно готовимся, создаем современную инфраструктуру, *что само по себе будет способствовать дальнейшему развитию Сибири и Дальнего Востока*» [4] (курсив мой. — О. Р.). Это «*само по себе*» замечательно иллюстрирует сложившуюся ситуацию.

К сожалению, ни развитие восточных регионов, ни повышение конкурентоспособности России в АТР автоматически не произойдет. Зато при таком подходе к интеграции в региональное сообщество возникают высокие риски выбывания страны из международного разделения труда, если не полностью, то, во всяком случае, из эффективных его секторов.

Очевидно, что, как минимум, при интеграции России в АТР необходима защита достигнутых позиций, в т. ч. осуществление целевых программ усиления присутствия на региональных сырьевых рынках, закрепление отечественного участия в региональных проектах формирования транспортных коридоров, стимулирование военно-промышленного сотрудничества.

Одновременно необходимо активное рассмотрение проектов «новой интеграции». Необходимо учитывать, что современная интеграция — это не только продуктовая и отраслевая интеграция, это интеграция в области финансов и «экономики знаний». Особо важно для России участие в проектах по финансовой проблематике, которая занимает большое место в перспективных планах стран, входящих в АТЭС. Однако следует признать, что в последнее время обсуждение вопросов, связанных с формированием представ-

лений о месте, которое может занять Россия в финансовой системе мира и в финансовой системе региона, практически не ведется.

За пределами предложенной на форуме повестки для АТЭС остался и еще один из важнейших для этого объединения вопросов – о финансовой интеграции в регионе и мерах по укреплению финансовых рынков. Россия после довольно агрессивного поведения при обсуждении этих проблем в кризисные годы, к сожалению, не решилась выносить их на форум АТЭС, хотя это одна из самых болезненных проблем для многих стран региона, включая и саму Россию [2; 5].

Это можно расценивать как следствие новых для России обстоятельств развития. С одной стороны, процесс перестройки направленности российского развития на восток, включая интеграцию в АТР, благодаря усилиям политических структур и экспертного сообщества, приобрел реальные очертания. Начала перестраиваться инфраструктура, включая и производственную, и социальную, и институциональную составляющую; меняют вектор пространственного развития представители крупного и среднего бизнеса.

Однако, с другой стороны, необходимо учитывать, что изменение географической ориентации – это не только перераспределение потоков – товарных, инвестиционных, трудовых, финансовых ресурсов. Это, прежде всего, перестройка мозгов, осмысление и принятие новых форм и методов взаимосвязи с окружающим региональным сообществом, включение нетривиальных диалоговых механизмов. Нельзя уверенно утверждать, что отечественная наука и практика в 2012 г. были полностью готовы к таким изменениям. Возможно, не было учтено, что, согласно регламентам АТЭС, следующая попытка России в статусе председателя этой организации может быть только через 20 лет, и неиспользование в полной мере представившихся возможностей для решения важных для страны вопросов, наверное, определит их перенос в далекое будущее.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аганбегян А. Г. Послекризисное и перспективное социально-экономическое развитие России // МЭиМО. 2011. № 9. С. 7–9.
2. Кучук В. В., Рензин О. М. Новые явления в институционализации АТР: проект общеазиатской валюты // Пространственная экономика. 2007. № 2. С. 36–45.
3. Ларин В. Межрегиональное взаимодействие России и Китая в начале XXI века: опыт, проблемы, перспективы // Проблемы Дальнего Востока. 2008. № 2. С. 40–53.
4. Путин В. В. Россия и меняющийся мир // Московские новости. URL: <http://premier.gov.ru/events/news/18252> (дата обращения: 13.04.2012).
5. Рензин О. М. Финансовый сектор России и АТР: посткризисные тенденции // Двадцать шестой Японско-российский научный симпозиум по проблемам Дальнего Востока. Киото. 2011. С. 110–114.